
ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Савченко В. А. *

С течением времени скорость социальных процессов увеличивается, возрастает и частота событий, связанных с массовыми беспорядками. За последние 25 лет на земном шаре произошло не менее 25 революций, итогом которых стала смена действующих правительств, в некоторых случаях сопровождаемая гражданской войной. Механизмы возникновения и развития революционного процесса – одна из самых обсуждаемых тем в научном и журналистском сообществе. Исследователи рассматривают объективные и субъективные стороны этого явления, анализируют ситуацию в стране до революционных событий, в ходе и по окончании их. Обсуждаются основные векторы действий правительства и оппозиционных сил в борьбе за власть, факторы, приближающие революцию и отдаляющие ее. В статье рассмотрены основные механизмы социальных взрывов, способных вызвать быстрые коренные перемены в государстве.

Ключевые слова: революция, социальный взрыв, борьба, гегемония, правительство, смена государственного строя, радикальные социальные движения, депривация.

With the course of time, the rate of social processes accelerates, and the frequency of events associated with mass disorders increases. Over the past 25 years, the world has witnessed at least 25 revolutions, which resulted in the change of existing governments, in some cases accompanied by civil war. The mechanisms for the emergence and development of the revolutionary process – one of the most discussed topics in the scientific and journalistic community. The researchers examine the objective and subjective aspects of this phenomenon, analyze the situation in the country before the revolutionary events, during and after their end. The main vectors of the actions of the government and opposition forces in the struggle for power are discussed, factors that bring the revolution closer and postpone it. The article considers the main mechanisms of social explosions that can cause rapid radical changes in the state.

Keywords: revolution, social explosion, struggle, hegemony, government, change of state system, radical social movements, deprivation.

Революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы.

Отто фон Бисмарк

История термина «революция» насчитывает немногим более четырех столетий, но причины массовых беспорядков и политических переворотов волнуют

* Савченко Виктор Александрович – аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук государственного университета «Дубна». E-mail: moisey.1982@mail.ru.

умы с давних времен. Предметом особенно интенсивного теоретического осмысления они стали в первой половине XIX в. после кровавых событий в Англии, Голландии, Франции и Северной Америке [Скочпол 2008].

Известно множество различных определений революции, но все они, помимо смены правительства, в той или иной мере включают в себя пять компонентов: соотнесение настоящего с будущим; доминирование коллективного начала и идеи социальной справедливости; построение нового общества на основе новой базовой культурной модели; подчеркивание возможности активного участия социальных групп в формировании нового социального и культурного порядка; универсалистская ориентация, отрицающая политические и национальные границы, но в то же время воспроизводящая социальный порядок в определенных границах. По мнению Ш. Эйзенштадта [1999], таков «чистый образ революции». С. Хантингтон [2004] охарактеризовал революцию как насильственное и фундаментальное изменение внутреннего положения страны, ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры и руководства с мобилизацией новых групп в политику и созданием новых политических институтов.

При решении вопроса об определении термина «революция» полезно обратиться к работе основателя теории конкурентной политики Ч. Тилли [2009]. Он решает проблему путем теоретического разделения понятий «революционная ситуация» и «результаты революции». Революционная ситуация начинается тогда, когда государство, ранее подконтрольное одному центру, одной политической системе, становится объектом эффективных, конкурентных и взаимоисключающих требований контроля со стороны двух и более самостоятельных политических систем. Революционная ситуация завершается по восстановлению монопольного контроля над государством одной политической силы. Результатом революции становится смена правящих элит (членов политической системы). Для любой политической революции характерен набор из трех слагаемых: многовластие, борьба за власть, господство одного победителя в результате борьбы. По восстановлении полного контроля над страной после революции команда победителей «поляризуется», самые активные ее участники нередко лишаются жизни. Известная фраза «Революция пожирает своих детей» приписывается разным деятелям Великой французской революции. В оригинале она звучит так: «Революция, как Сатурн, пожирает своих детей» (фр.: *A l'exemple de Saturne, la révolution dévore ses enfants*).

Ч. Тилли предложил оригинальное графическое представление революции (рис. 1). На основе его рисунка возможно оценивать революции количественно и качественно. Крайний вариант развития революционной ситуации – Великая революция, при которой происходят полномасштабная смена членов существующей политической системы, зачастую их физическое уничтожение, и непреодолимый идеологический раскол в обществе с вооруженной борьбой между соперниками. Классическими примерами служат Французская революция 1789 г. и Октябрьская революция 1917 г. в России. Идеологическая несовместимость старого и нового строя служит предпосылкой коренных преобразований в обществе, упразднения старых и создания новых институтов. Общество раскалывается на приверженцев старого и нового уклада.

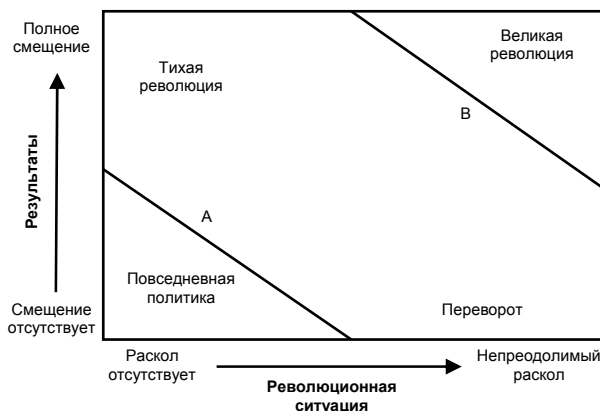

Рис. 1. Матрица «глубины» результатов революции

Источник: Tilly 1978: 7–11.

Революции могут происходить и в благополучных обществах, и в обществах с такими проблемами, как бедность, коррупция, злоупотребления правящей верхушки и т. п. Революция становится ключевым моментом в истории любого государства и во многом определяет характер будущих эволюционных изменений. Она не происходит одномоментно, иногда борьба занимает годы. Дату зачастую «назначают» постфактум и превращают ее в национальный праздник.

К середине XIX в. обозначились две конкурирующие концепции, объясняющие причины возникновения революций. Все участники дискуссии признают наличие серьезного недовольства накануне у значительной доли населения. Но в чем причина этого недовольства? По мнению К. Маркса [1959], недовольство главным образом возникает из-за абсолютного и относительного обнищания населения, более не желающего терпеть угнетенного положения. Согласно теории исторического материализма, фундаментальная причина социальных революций кроется в углубляющемся противоречии между развивающимися производительными силами и консервативными производственными отношениями: «Пролетариев всех стран я призываю к революции, потому что им нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» [Маркс, Энгельс 1951: 26]. Основным тезисом классиков марксизма состоит в том, что прогрессирующая пролетаризация общества наконец достигнет критической точки, сделав восстание неотвратимым. Предварительное условие беспорядков не в деградации пролетариев, а в их экономическом положении: рабочие не желают пассивно наблюдать растущее благосостояние эксплуататоров, вследствие чего возникает социальная напряженность [Там же: 39]. По мнению большинства социалистов, именно экономический фактор становится определяющим при возникновении недовольства больших масс населения и формировании установки на свержение правительства.

Несколько ранее иную и во многом противоположную версию причин и механизмов революционного взрыва предложил А. де Токвиль: «Таким образом, французы нашли их положение более неподъемным, когда имели тенденции к улучшению. Революции не всегда вызваны постепенным снижением уровня от плохого к худшему. Страны, которые перенесли терпеливо и почти сознательно

самое сильное подавление, восставали против ига в тот момент, когда начинал расти уровень благосостояния и свобод. Режим, который уничтожен революцией, всегда лучше по сравнению с его преемником» [Токвиль 2008: 108]. Токвиль обратил внимание на то, что перед Великой французской революцией уровень жизни французских крестьян и ремесленников был самым высоким в Европе, а Северная Америка накануне первой в истории антиколониальной революции была самой богатой и процветающей колонией мира. Опираясь на такие примеры, он пришел к парадоксальному заключению: не бедность и беспросветное существование (как это кажется логичным и как любят представлять лояльные революции идеологи), а, напротив, экономическое процветание, провоцирующее растущие потребности, становится непосредственной причиной революции.

В 1960-х гг. американский ученый Дж. Дейвис [1967] сопоставил модели Токвиля и Маркса с известными данными о революциях XX в., включая три русские революции, и пришел к выводу, что оба его великих предшественника были по-своему правы. Чтобы разобраться в этом противоречии, полезно выделить экономический, демографический, антропологический и культурный аспекты, расположив их в иерархии по убыванию значимости.

Экономический аспект возникновения недовольства

Дж. Дейвис описал и показал графически момент возникновения такого коллективного недовольства большой доли населения страны (аномии), дал пояснение условий возникновения и возможные варианты развития событий. Анализу подверглись Американская революция 1775 г., Французская революция 1789 г., Русская революция 1917 г., египетская революция 1952 г. и ряд революций меньшего масштаба. Было исследовано большое количество протестных выступлений в разное время в различных странах при разных режимах правления, но имеющих главной предпосылкой продолжительный период экономического роста и устойчивое повышение уровня благосостояния граждан. В результате постоянный рост благосостояния становится «трендом», от которого очень трудно отказаться (рис. 2). Когда правящий класс становится неспособным неуклонно удовлетворять растущие потребности и ожидания, у значительной части населения усиливаются настроения недовольства и состояние фрустрации. Все рассматриваемые им революции произошли при экономической стагнации после продолжительного периода экономического подъема, который отражался на уровне благосостояния населения.

Последующие эмпирические исследования (с использованием анкет и фокусированных групповых интервью) обнаружили также парадоксальный психологический эффект, названный *ретроспективной аберрацией*. Поскольку массовое сознание воспринимает динамику экономических и прочих тенденций через призму растущих потребностей и ожиданий, объективно благоприятные процессы часто сопровождаются усиливающейся недовольственностью [Назаретян 2009]. Этот эффект отчасти объясняет возникновение революций в странах, где уровень жизни народа достаточно высок, а показатели угнетения и нищеты сравнительно слабо выражены. Впрочем, практика свидетельствует, что крайняя бедность

(с точки зрения внешнего наблюдателя) не провоцирует массового протеста, скорее, люди принимают ситуацию с тихой безысходностью, весьма смиренно.

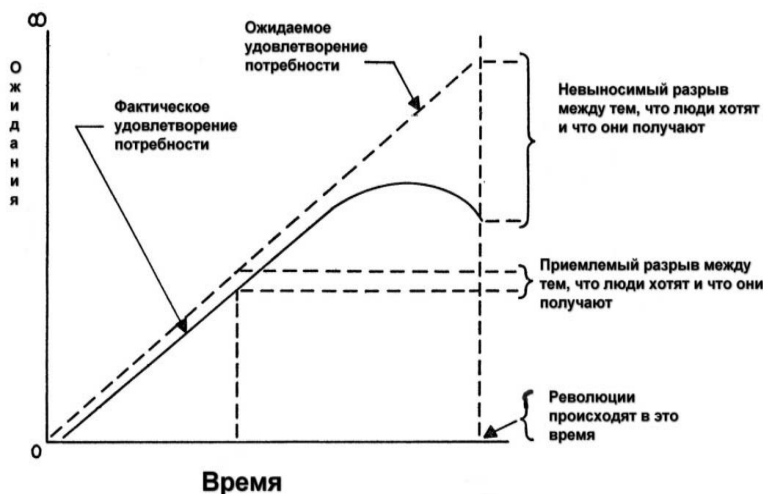

Рис. 2. Возникновение революций при объективном отрыве фактического удовлетворения от ожидаемого (по Дж. Дейвису)

Источник: Дейвис 1967: 12.

Важный вклад в понимание того, как формируется протестный потенциал отдельного индивида, внес Р. Мертон. Революция рассматривалась им как ситуация, когда значительная часть населения страны переживает особое чувство разрыва между целями и способами их достижения, когда поставленные цели либо недостижимы законными средствами, либо вероятность их достижения очень мала. В статье «Социальная структура и аномия» Р. Мертон [1966: 88] писал: «Требования общества, предъявляемые к лицу в подобном случае, несовместимы между собой». Схожая ситуация возникает и в наши дни, когда телевизионная реклама рекомендует сменить автомобиль на более новую модель, а возможности такой нет и не предвидится в ближайшей перспективе. Таким образом, культурная среда служит мощным фактором формирования протестного потенциала («эффект зеркала»). Данная ситуация более характерна для общества потребления наших дней. Опираясь на теорию аномии Э. Дюркгейма, Мертон отчасти объясняет коллективные действия больших групп при невозможности законными средствами удовлетворить все потребности, которые во многом сформированы культурной средой. В обществе, где материальный успех служит мерилом человека, у отдельного индивида очень легко вызвать чувство аномии примером более успешных в этом плане людей. Оппозиционные СМИ (а сегодня без их активного участия не обходится ни одна революция) первым приемом создают «эталон» того, что могло быть при более высокой степени участия правящего класса в жизни простых людей.

Действующему правительству также стоит обратить внимание на культурную среду, которая и при достаточном уровне благосостояния способна создавать чувство аномии [Гарр 2005: 89]. Эту ситуацию Т. Гарр описал, используя термин *де-*

привация вместо анонии. Момент зарождения серьезного недовольства и начало протестных движений на оси времени также можно представить графически (рис. 3). В относительно спокойное и благополучное время СМИ могут вызвать чувство анонии и депривации даже у очень успешных людей, рекламируя недостижимые для них вещи как символ успеха. Уровень благосостояния стабилен, тогда как ожидания (субъективная оценка того, что нужно иметь на данный момент) возрастают. У части индивидов под воздействием потребительской культуры формируется устойчивое стремление постоянно повышать уровень потребления товаров и услуг, но экономическое положение в стране этого не позволяет. Таким образом, революция во многом становится продуктом растущих ожиданий удовлетворения экономических запросов, а идеология общества потребления в значительной степени способствует росту этих ожиданий.

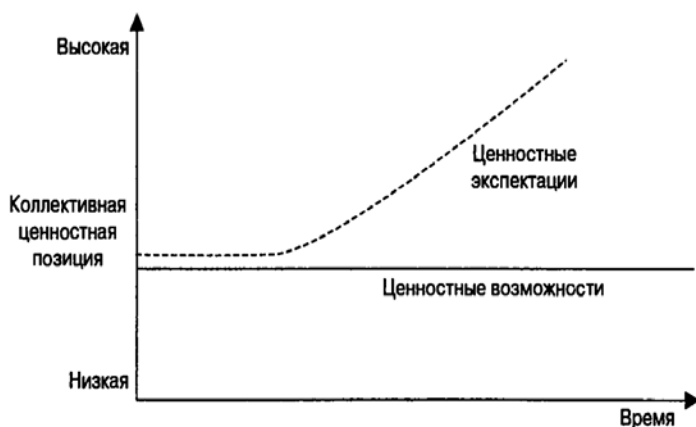

Рис. 3. Возникновение протестного потенциала, который может перерасти в революцию при возрастающих ожиданиях и стабильных возможностях, по Гарру (наиболее характерно для общества потребления)

Источник: Гарр 2005: 89.

Демографический аспект

Для более полного понимания следует проанализировать возникновение и развитие факторов, способствующих революции, в совокупности с динамикой роста населения. Важный момент в теории Дж. Голдстоуна [Goldstone 2003] – так называемый *молодежный бугор*, высокий процент незанятой молодежи на момент начала революции вследствие высокой рождаемости и низкой детской смертности за предыдущие 20–30 лет. Высока доля «пехоты» революции!

Голдстоун рассматривает демографические сдвиги как одну из главных структурных причин революций. Кумулятивный эффект роста населения оказывает негативное влияние на общественные институты как на фундамент общества. Из-за демографических сдвигов нагрузка на экономику растет. Именно молодые люди околостуденческих лет, которые не видят себе достойного применения в сложившихся условиях, принимают самое активное участие в противостоянии органам правопорядка. Особенность данной демографической группы в том, что она сравнительно легко поддается «уравнительным» идеологиям, призывам к

неповиновению и радикальным действиям. Молодежь всегда становилась самой активной частью населения в деле изгнания правителя. Пропаганда и призыв выйти на баррикады формируется специально под уровень сознания 18–25-летних. Именно для них складывается образ революционера как борца с несправедливостью и угнетением, за лучшую жизнь. Так, в последние десятилетия для привлечения в лагерь протестующих молодых людей очень часто используется символика с изображением Эрнесто Че Гевары.

Силы правопорядка часто тоже подвергаются революционной пропаганде, некоторые из силовиков даже испытывают нечто вроде симпатий к протестующим. Процент сочувствующих определяет степень монолитности фронта борьбы с протестом и момент перелома в противостоянии. Еще одним фактором протестного потенциала, и это особо стоит подчеркнуть, становится недовольство элитарных групп. Исследователь революций Э. Э. Шульц [2004] доказывает жесткую взаимосвязь протестного потенциала с приростом населения страны и увеличением всевозможных благ для населения. Прирост населения в последнее время значительно опережает ожидаемое увеличение благ, и с течением времени разрыв только увеличивается. При определенном уровне разрыва возникает протестный потенциал. Революции совершают молодые люди, ожидания которых не оправдались по ряду причин. Свойственные молодежи ожидания увеличения благосостояния играют негативную роль для государства в условиях экономических трудностей.

На протяжении всей истории человечества именно молодежь оказывалась той ключевой силой, которая предопределяла исход противостояния. Так, Египетская революция 2011 г. произошла, по мнению ряда исследователей, из-за высокой доли безработной молодежи с высшим образованием, ожидания которой на лучшую жизнь с дипломом не оправдались [Коротаев, Зинькина 2011]. За все время правления Х. Мубарака динамика роста экономики составляла как минимум 4 % в год, существовало немало программ социальной поддержки населения, включая субсидии на продовольствие, медицину и образование. На момент начала революции Египет находился на передовых позициях по ключевым показателям в своем регионе. Детальное рассмотрение предреволюционной ситуации выявило наличие «эффекта бумеранга» от собственных успехов. Примерно за 20–25 лет до этих событий были предприняты успешные меры по снижению детской смертности и увеличению рождаемости. За 20 с лишним лет население страны увеличилось вдвое, и доля молодежи в 2011 г. составляла около 12 % – очень высокий показатель. Ситуацию усугубил факт наличия высшего образования у 43 % безработной молодежи. Правительство Египта не оценило угрозу от сочетания двух накладывающихся друг на друга «бугров» – процента молодежи и количества дипломов у безработных, – совпавших в один непродолжительный период времени.

Антропологический аспект

Касаясь психологического фактора возникновения революций, элитолог Г. Моска [1994] проводит параллели с животным миром. В природе часто встречаются ситуации деления прежде однородного стада животных на два лагеря

и довольно серьезная вражда впоследствии. Дальнейшие исследования стадных животных подтвердили гипотезу о стремлении к поляризации. Вместе с тем зоопсихологами показано наличие особых зон в головном мозге, отвечающих за агрессию в отношении представителей своего вида [Лоренц 1994]. И чем выше уровень развития индивидуумов, тем эффективнее инструментарий привлечения сторонников в свой лагерь для борьбы с лагерем враждебным.

При этом существует особая эмоциональная связь между членами одной группы, преданность и самоотверженность в борьбе. Антропологи в архаичной культуре охотников-собирателей довольно часто наблюдают эффект переориентации агрессии молодежи на соседнее племя. Пока молодые заняты межплеменными конфликтами, сохраняется относительная стабильность внутри племени [Савчук 2001]. Многочисленные исследования социальной агрессии демонстрируют, что образ общего врага испокон веков служил основным фактором групповой консолидации.

В данной части статьи необходимо коснуться и так называемого палингенетического мифа – глубоко укорененной в человеческой психике потребности качественно нового начала, коренного перерождения после длительного периода упадка [Соловей 2016]. С этих позиций ключевыми моментами революций выступают протестные действия небольшой активной части населения, способной повести за собой на баррикады людские массы. Это активное меньшинство с его смутной неудовлетворенностью и сильным желанием прорваться через покровы обыденности играет решающую роль. Революция для них – единственное средство стать частью истории, вырваться из оков повседневных бытовых забот. На данный момент существует немало исследований идеологической общности, возникшей на основе иррационального консенсуса. Исследованы проблемы возможного спонтанного формирования сообщества веры в условиях общего смыслового кризиса путем проецирования народных чаяний на какое-либо движение, которое ставит текущему кризису всеобъемлющий диагноз и в качестве панацеи от всех бед предлагает совершение революции. В результате возникает «палингенетическое политическое сообщество», характеризующееся мощными коллективными иллюзиями сверхличностного единства цели. При объективном рассмотрении становится очевидно, что единство цели устраняет социальные и идеологические антагонизмы сообщества [Гриффин 2006]. Иррациональным это движение является отчасти из-за понимания, что даже в случае победы в революционном движении победителям невозможно создать уклад, который будет лучше разрушенного. Как говорил А. де Токвиль, «режим, который уничтожен революцией, всегда лучше по сравнению с его преемником» [Токвиль 2008: 85].

Культурный аспект

Важный вклад в общую картину возникновения революций внес итальянский коммунист А. Грамши. К. Маркс [1959] выделял экономический аспект в появлении революционного потенциала – отставание производственных отношений от производительных сил. Поскольку владельцы средств производства оставляют львиную долю прибыли себе, а не вкладывают в социальную сферу, при возникновении значительного финансового отрыва капиталистов от пролетариата неми-

нуемо произойдет революция. А. Грамши [1991], разрабатывая учение о культурной гегемонии, ввел понятие «культурное ядро». Культурной гегемонией, по Грамши, называется ситуация, при которой достигнут некоторый уровень согласия народа и власти (в том числе и относительно приемлемого разрыва между производительными силами и производственными отношениями), граждане активно желают того, что требуется правительству. По Грамши, «государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых» [Там же: 154].

Согласие служит цементирующей основой сильного государства, его добиваются посредством СМИ, образовательных и воспитательных институтов, и это особо следует подчеркнуть в эпоху информационных технологий, когда средства массовой информации не в полной мере принадлежат тому государству, в котором функционируют. Под лозунгами свободы слова ведется подрывная работа по размыванию согласия между властью и народом, что неминуемо повысит вероятность возникновения массовых беспорядков. В предреволюционный период неподконтрольные правительству СМИ говорят словами В. Высоцкого: «Нет, ребята, все не так. Все не так, ребята»^{**}.

Используется весь набор пропагандистских инструментов, в неблагоприятном свете трактуются внешняя и внутренняя политика. Демонстрируя недостижимые материальные блага, оппозиционеры убеждают людей в неспособности обеспечить желаемый уровень благосостояния по причине коррумпированности и слабости, искажают историю в целях демотивировать приверженцев правительства, которому якобы безразлична судьба народа. Одновременно с этим особо акцентируется внимание на лидерах оппозиции, не упускается возможность возвеличить их. Проводится атака на мнения и настроения людей. Большой вопрос, являются ли лидеры оппозиции ставленниками иностранных правительств, или помощь оказывается в расчете на временную дезинтеграцию предреволюционного государства, что обеспечит конкурентные преимущества в борьбе за доминирование. Так, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. протестные движения вынудили царя признать себя побежденной стороной, когда военная победа была практически обеспечена [Стариков 2006].

В культурном аспекте уровень согласия власти и граждан играет весомую роль. У граждан имеется потребность действовать в одном ключе с правительством, неподконтрольные СМИ действуют в целях укрепления гегемонии власти, неподконтрольные и принадлежащие в какой-то степени иностранному заинтересованному центру прилагают усилия в деле разрушения гегемонии правителя. В ситуации, когда улучшения жизненного уровня не предвидится ввиду экономических трудностей государства, неподконтрольные СМИ продолжительное время могут формировать ситуацию растущих ожиданий, при определенном разрыве ожиданий и возможностей (см. рис. 3) уменьшится уровень согласия между властью и народом и увеличится вероятность революции.

^{**} 15 октября 2015 г. уровень иностранного уставного капитала в российских СМИ ограничен 20 %, что сделано во избежание влияния акционеров на направленность источника. Иностранные информационные агентства назвали эту меру еще одним шагом к тоталитаризму, как бы не замечая противоправных действий властей в западных странах.

Структурный аспект

В совокупности подходов к исследованию революций стоит выделить тот, согласно которому главные предпосылки политических революций заключены в несоответствии социальных институтов потребностям эпохи. Т. Скочпол, работая в марксистской парадигме, создала структуралистскую теорию возникновения революций. Государство, по ее определению, это «совокупность административных, полицейских и военных организаций, возглавляемая и в большей или меньшей степени координируемая исполнительной властью», а революция – быстрые базовые изменения классовых структур, сопровождающиеся и отчасти стимулируемые восстаниями снизу [Скочпол 2008: 87]. Автор отчетливо отделяет социальные революции от бунтов, мятежей, переворотов ввиду отсутствия в них быстрых структурно-социальных изменений, сопряженных с насилием. Рассмотрены социальные отношения в зависимости от экономических отношений, изменение классовых структур и трансформации с наступлением эпохи капитализма и образованием международных институтов под влиянием научно-технического прогресса. Отмечены коренные изменения в обществе при смене общественно-экономической формации.

Революция рассматривается в точках пересечения международных процессов с классово структурированными экономиками и политически организованными интересами. Корни революций – в классовой структуре общества и международно-историческом контексте. При ближайшем рассмотрении все великие революции имеют одну схожую черту: в ключевой момент наблюдается паралич административного и военного аппарата государства, сильные «низовые» движения и необычайная активность той части маргинальных элит, которые до того не претендовали в ближайшей перспективе на власть. Паралич обусловлен длительным и углубляющимся отрывом производительных сил от производственных отношений, при котором существующий строй шаг за шагом теряет легитимность, смещается лояльность как элит, так и простого народа. Потеря легитимности происходит из-за серьезной имущественной, статусной и правовой дифференциации в обществе, когда владельцы средств производства львиную долю прибыли оставляют себе, не заботясь о социальной сфере рабочих.

Еще одним немаловажным фактором служит международное вмешательство: это могут быть не вполне удачные военные кампании, обострение обстановки со срывом планов давно назревших реформ, модернизации ключевых сфер государства. Достаточно случаев с запретом более могущественных государств правительствам, находящимся на острие революционного процесса, применять силу против протестующих под предлогом недемократичности и т. д., что вызывает полный паралич органов правопорядка и дает новые стимулы протестующим [Коротаев, Зинькина 2011].

В аграрных государствах немаловажную роль играют социальные протесты на селе, которые часто провоцируются институциональным отчуждением крестьянства от касты землевладельцев наряду с чисто потребительским характером отношений между ними [Moore 1967]. Т. Скочпол, рассмотрев революции в аграрных странах, приходит к выводу о прямых предпосылках из-за двойной экс-

плуатации земледельцев государством, с одной стороны, и собственником земель – с другой. Причем в среде крестьян есть институты коллективной солидарности, особая сплоченность, свои неформальные лидеры. Со стороны землевладельцев нет прямого контроля над трудовой деятельностью и досугом крестьян, зато имеется централизованный бюрократический аппарат [Skocpol 1979].

В последние десятилетия появился еще один фактор революции – ускоряющийся процесс глобализации. Один из негативных факторов – установление единых поведенческих стереотипов, культурных ценностей и норм, деформация социальных институтов по подобию существующих в наиболее развитых странах – локомотивах глобализации. Исследователь процессов глобализации А. Н. Чумаков указывает, что охват развивающихся стран интеграционными процессами становится структурным фактором противодействия становлению единой цивилизации [Чумаков 2015]. Так, иранская революция 1970-х гг. стала ответной реакцией на слишком быстрые изменения социальных институтов по западному образцу, внедрение системы образования, образа жизни, капиталистических социальных институтов, демократических и либеральных принципов. Фактически влияние глобализации было отторгнуто значительной частью населения. Примерно с этого момента начат отсчет истории исламского фундаментализма и борьбы против насильственного насаждения унифицированных правил. Наиболее могущественными в революционном действии являются шииты, которые представляют подавляющее большинство и наиболее трепетно относятся к соблюдению обычаев предков. Уместно рассматривать эту революцию как процесс сопротивления западной и социалистической глобализации. Для данного явления даже существует специальное понятие «обратная глобализация» – течение снизу вверх, со стороны периферии в центр [Гидденс 1999]. Глобализация сверху, со стороны одного из центров силы, рассматривалась большей частью населения Ирана исключительно как попытка установления полной гегемонии со стороны могущественных соседей, как новая форма неокOLONIALИЗМА и стремление насильственно разрушить веками сложившиеся устои.

Структуралистский подход имеет ценный прогностический потенциал в динамично развивающихся обществах с интенсивным процессом изменения способов и форм хозяйствования, трансформацией структуры общества, преобразования социальных институтов в эпоху технического прогресса. Революции в быстро меняющемся обществе действительно возможны из-за отставания производственных отношений от производительных сил и в противоположном случае – как в Иране. К. Маркс определял отставание производственных отношений от производительных сил как объективный процесс, революции возникают по причине сильного отрыва этих переменных на шкале времени, ситуация принудительного насаждения особых производственных отношений без соответствующих производительных сил никогда не рассматривалась как невозможная на тот момент. Она стала возможна только с переходом на особую ступень глобализации и, как мы видим, имеет некоторые негативные последствия. Страна с нарушением относительной гармонии между производительными силами и эволюционировавшими вслед производственными отношениями разбалансируется. Накануне революции Иран «заимствовал» у капиталистического мира модель построения общества,

пытался переделать социальные институты на иной манер без учета того, что производственные отношения сложились на Западе эволюционным путем, отставая и подстраиваясь под объективное производственное и технологическое могущество. В случае опережения производственными отношениями производительных сил вносится дополнительная субъективная компонента, которая может играть негативную роль и вызывать отторжение у значительной части общества [Ильин 2013].

В рамках структурного аспекта следует особо выделить закон техно-гуманитарного баланса, который описывает механизм обострения и временного преодоления антропогенных кризисов. Он отображает зависимость между тремя переменными – технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью социальной системы. Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества [Назаретян 2017]. Насажение извне культурных регуляторов западного мира без соответствующего уровня технологического развития (как это было в Иране перед революцией) «не нашло понимания» у ретроградно настроенной части населения.

Обобщая перечисленные аспекты, приходим к выводу, что вероятность социальной революции максимально высока, когда большая доля молодежи в демографической структуре дополняется несбывшимися ожиданиями увеличения благосостояния без должного контроля государства над СМИ, прямо или косвенно призывающих к протесту. На начальном этапе революции в России октября 1917 г., Французской революции 1789 г., Американской революции 1775 г. имелся ярко выраженный образ будущего социального устройства после изменения политического режима, коренной пересмотр принципов взаимоотношений между людьми, классовыми отношениями, производительными силами и производственными отношениями, расширение круга участвующих в политическом процессе. Идеология коренных преобразований устройства государства в великих революциях играла главенствующую роль. Все последующие революции провозглашали своей целью главным образом более справедливое распределение материальных благ без существенного изменения социальных институтов. Идеологическая компонента приобретает в последнее время ярко выраженный уравнительный характер, играет второстепенную роль и становится функцией от экономического состояния граждан. Во многих революциях звучат призывы менять форму правления, но только на такую, которая, по мнению революционеров, обеспечит наибольший уровень благосостояния граждан, минимальное имущественное неравенство и вертикальную мобильность. При анализе всего вышесказанного возникает соблазн дать рекомендации недопущения совпадения в один непродолжительный момент всех негативных сторон вышеперечисленных аспектов, осторожно стимулировать растущие ожидания, особенно в период реального экономического роста, который рано или поздно сменится относительным спадом: своевременное предупреждение о такой перспективе и объяснение ее причин помогают предотвратить фрустрации, провоцирующие всплеск агрессии.

Литература

- Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005.
- Гидденс Э. Социология. М. : УРСС, 1999.
- Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. Ч. 1. М. : Политиздат, 1991.
- Гриффин Р. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51–63.
- Дейвис Дж. К теории революции // Американское социологическое обозрение. 1967. Вып. 27. № 1. С. 5–12.
- Ильин В. Н. Алгоритмический маятник истории. М. : Менанд, 2013.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 2. С. 5–29.
- Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М. : Прогресс, 1994.
- Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. 2-е изд. Т. 13. М. : Госполитиздат, 1959.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М. : Госполитиздат, 1951.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / под ред. М. Н. Грецкого. М. : Прогресс, 1966.
- Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 97–117.
- Назаретян А. П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 2. С. 150–170.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология в глобальном прогнозировании. М. : Аргамак-медиа, 2017.
- Савчук В. В. Насилие и цивилизация комфорта // Антропология насилия / под ред. В. В. Бочарова, В. А. Тишкова. СПб. : Наука, 2001.
- Скочпол Т. О революции. М. : Прогресс, 2008.
- Соловей В. Д. Основы революционной борьбы в современную эпоху. М. : Эксмо, 2016.
- Стариков Н. В. Кто убил Российскую империю? М. : Эксмо, 2006.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. М. : Территория будущего, 2009.
- Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб. : Алетей, 2008.
- Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы современного мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.
- Хантингтон С. Социальный порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999.

Шульц Э. Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник МГУ. Серия «Политология». 2004. № 2. С. 98–112.

Goldstone J. A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley : University of California Press, 2003.

Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston : Beacon Press, 1967.

Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA : Addison Wesley, 1978.

Skocpol T. *State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia, and China* // *Theory and Society*. 1979. Vol. 7. No. 1. Pp. 189–204.